

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2009
XVIII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
514
EXPRESS-ISSUE**

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 1659-1682 Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений. Н. Л. КРЕМЕНЦОВ
- 1681-1682 Гнездование жёлтой цапли *Ardeola ralloides* на Кременчугском водохранилище. М. А. ОСИПОВА
- 1682-1684 О гнездовании бородатой неясыти *Strix nebulosa* в Нижнесвирском заповеднике. М. В. ПАТРИКЕЕВ
- 1684-1685 Гнездование чёрного коршуна *Milvus migrans* на опорах линий электропередачи в Восточном и Юго-Восточном Казахстане. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 1686-1687 Изучение питания обыкновенной пустельги *Falco tinnunculus* в агроценозах. В. Г. ТУРЧИН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVIII
Express-issue

2009 № 514

CONTENTS

- 1659-1682 The man and animal: to history of behavioural comparison. N. L. KREMENTZOV
- 1681-1682 Nesting of the squacco heron *Ardeola ralloides* on the Kremenchug reservoir, Dnepr River. M. A. OSIPOVA
- 1682-1684 On breeding of the great grey owl *Strix nebulosa* in Nizhnesvirsky Reserve. M. V. PATRIKHEEV
- 1684-1685 The black kite *Milvus migrans* nesting on electric poles in Eastern and South-eastern Kazakhstan. N. N. BEREZOVIKOV
- 1686-1687 Study of food of the common kestrel *Falco tinnunculus* in agroceonosis. V. G. TURCHIN
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S.-Petersburg 199034 Russia

Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений

Н.Л.Кременцов

Второе издание. Первая публикация в 1989*

«Когда мы токмо по сравнению о вещах судить можем, когда все наши познания существенно основаны на взаимных отношениях вещей, сходство между собой имеющих, или друг от друга различествующих; и если бы не существовали животные, то бы естество самого человека ещё более бы для нас сделалось непостижимым: и так рассмотрев человека в нём самом, не должны ли мы употребить в нашу пользу сея стези, ведущие нас к познанию через сравнения? Не должно ли нам исследовать естества животных сравнивая их строение, вникать вообще в экономию животную, дабы вывести из сего частные приложения, определить следствия, сблизить различия, и из союза сих соединений почерпнуть познания к ясному и последовательному различию главных облегчительных действий в теле животном и открыть себе путь к науке, коея предметом есть сам человек»

Ж.Бюффон, 1792, ч. 5, с. 215

Тема, вынесенная в заголовок статьи, представляет практически неограниченное количество сюжетов для историко-научного анализа. Вся история изучения поведения основана на сопоставлении поведения человека и животных, и её полное изложение в рамках одной статьи практически невозможно.

Я попытался выявить некоторые подходы, возникавшие и возникающие при сравнительном изучении поведения человека и животных, а также их преломление в исследованиях различных эпох и направлений – в рамках европейской культурной традиции. В качестве таких подходов я рассматриваю *антропоморфизм*, акцентирующий принципиальное сходство поведения человека (Ч) и животных (Ж) – (Ч = Ж), и *логоцентризм*[†], отстаивающий их кардинальное различие (Ч = Ж + Л).

При выделении определённых этапов в изучении проблемы соотношения поведения человека и животных я руководствовался представлением о единстве двух главных компонентов, содержащихся в любом исследовании: «ЧТО» и «КТО».

* Кременцов Н.Л. 1989. Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений // *Поведение животных и человека: Сходство и различия*. Пущино: 6-28.

† В качестве отличительных признаков человека в различные периоды выступают разные поведенческие особенности. Поскольку первоначально такими особенностями считались «мышление», «разум», «речь», обозначаемые греческим словом «логос», я и предлагаю использовать для обозначения этого подхода термин «логоцентризм».

1. «ЧТО»

До сего дня не существует единой науки о поведении. Поведение является *объектом* различных дисциплин и направлений, каждое из которых имеет собственный *предмет изучения*, использует собственные категориальные и концептуальные схемы. Я постараюсь показать зарождение основных направлений в изучении поведения и выделить присущие им особенности.

Вместе с тем, несмотря на различие *предметов* изучения, в рамках всех направлений удаётся выделить неустранимый компонент, который и позволяет квалифицировать данное исследование как поведенческое: это – *движение* и его характеристики. Именно движение выступает в качестве *объекта* для всего комплекса наук о поведении.

Однако на каждом этапе истории этот объект интерпретируется по-разному. Ибо каждое исследование включает не только непосредственные результаты описаний (наблюдения и эксперименты над собственно движениями животных и человека), но и соответствующие Теоретические представления, имевшиеся в данной области знания. Не существует «чистого» описания. Каждое наблюдение является теоретически нагруженным уже в силу того, что «переводится» в словесное описание. При этом каждый используемый термин, понятие, категория содержат в себе «скрытое» объяснение – некую теорию наблюдаемых явлений. Кроме того, сами методы получения данных являются выражением определённых теоретических представлений об изучаемом объекте.

2. «КТО»

В содержание этого компонента включается не только конкретная личность исследователя, но и соответствующее мировоззрение социума, методологические предпосылки самой постановки проблемы.

Наиболее существенным моментом является то, что при изучении поведения человек выступает и как «объект» и как «субъект» сравнительного исследования, что не может не отразиться на «объективности» последнего. Субъективизм исследователя может проявиться в двух формах: личностной – по принципу «мне так нравится», и гносеологической – по принципу «человек – мера всех вещей».

Сам характер сравнений поведения человека и животных прямо зависит от решения вопроса о «месте Человека в Природе». Хотя это положение выглядит трюизмом, я считаю необходимым его подчеркнуть. Большинство работ имело целью (не всегда, впрочем, осознанной) так или иначе подтвердить, проиллюстрировать на поведенческом материале то самое «место», которое отводилось Человеку в приемлемой для данного исследователя системе мироздания. Это не означает, что результаты обсуждения конкретной проблемы (сопостав-

ления поведения человека и животных) всецело определялись особенностями мировоззрения учёного. Тем не менее игнорировать наличие таких связей нельзя, хотя они зачастую и опосредованы множеством различных факторов. В качестве иллюстрации вспомним, что два творца теории естественного отбора – Ч.Дарвин и А.Уоллес – придерживались прямо противоположных взглядов на соотношение поведения человека и животных.

Единство этих двух компонентов «ЧТО» и «КТО» выражается в определённом стиле мышления, свойственном каждому конкретному периоду в изучении интересующей нас проблемы. Моё сообщение фрагментарно. Отдельным его разделам даны названия, в значительной степени условные, которые и отражают различные «стили мышления», различные обоснования, выдвигавшиеся для сопоставления поведения человека и животных.

Предыстория. Анимизм

Основными источниками реконструкций мышления первобытного человека являются исследования на современных племенах, находящихся на стадии собирательства и охоты. Эти исследования позволяют заключить, что наиболее характерной чертой мировоззрения перволюдей является представление о всеобщей «одушевлённости» природы – анимизм. Единство Человека и Природы, прямая зависимость его существования от природных условий и событий приводит к отождествлению источников собственных движений с источниками изменений природных объектов. Именно в обществах первобытных людей начало формироваться представление о *духе, душе*, являющихся *причиной* движения *всех* вообще тел, в том числе животных и человека. Никаких различий в поведении человека и животных в это время не выделяется. Такую систему взглядов можно назвать «анимистическим антропоморфизмом».

Античность. Психологизм

Переход к земледелию и скотоводству, вовлечение в трудовую деятельность всё большего круга объектов привело к разделению природных тел на *одушевлённые* и *неодушевлённые* (живые и мёртвые). Главным критерием для такой демаркации послужило различие между движением вообще и *самодвижением*. Именно самодвижение становится определяющим признаком одушевлённого тела.

Для всех философов античности поведение человека и животных определяется душой как неотъемлемым *атрибутом* самой их жизни. Поведение рассматривается как «деятельность души».

В Античности впервые возникает противостояние двух подходов к сопоставлению поведения человека и животных – антропоморфизма и

логоцентризма, которые приобретают характер психологических (в прямом смысле этого слова) учений.

Сначала об антропоморфизме. Ещё в ранних мифологических представлениях древних греков, изложенных в эпосе Гомера, не делается различий между душами животных и человека. Это положение было развито в учении орфиков и пифагорейцев о метемпсихозе (переселении душ), в котором различные тела, будь то животные или человеческие, рассматривались лишь как этапы в странствиях души на пути к совершенствованию. Естественно, что существенной разницы между душами человека и животных они не видели, считая души животных лишь менее совершенными. Сходных взглядов придерживались и Ионийцы. Гераклит (520–460 г. до н.э.), к примеру, считал душу животных лишь более «влажной», чем душа человека, которая является более «огненной», и сравнивал душу животного с душой пьяного, поскольку под действием алкоголя душа, по Гераклиту, «увлажняется».

Атомисты – Демокрит (460–? до н.э.), Эпикур (341–270 до н.э.) и их последователи, отрицая бессмертие души, подчёркивали сходство человеческой и животной душ. Так, Лукреций (99–55 до н.э.) приписывал животным язык, подобный человеческому. Плутарх (45–120) в своих диалогах много места уделил разумности животных, которую он иллюстрировал многочисленными рассказами об их добродетели, храбрости, любви к потомству и т.п. Весьма интересной представляется аргументация Плутарха. Он считал, что поскольку животные впадают в бешенство, то есть теряют разум, то значит им есть что терять, то есть животные, как и человек, обладают разумом.

Некоторые элементы антропоморфизма получили развитие в учениях неоплатоников. Согласно Порфирию (234–301), все тела одушевлены, но различаются степенью одушевлённости. Животные и человек одушевлены в большей степени, чем растения. Животные во всём подобны человеку и отличаются от него лишь степенью своих разумных способностей. У них есть свой язык; так же как и человек, они подвержены страстям.

Для всех сторонников «психологического антропоморфизма» душа является «действующей причиной» движений тела, и поскольку особых различий в движениях человека и животных они не видят, не выделяют они и различий в их душах (а может быть, и наоборот!).

Появление на исторической арене логоцентризма можно связать с именем Платона (427–347 до н.э.). Если в ранних работах, например в «Тимее», он ещё придерживался пифагорейских представлений о метемпсихозе и считал различия между душами человека и животных несущественными, то в дальнейшем (в «Федре») он приходит к мнению, что душа человека не может воплотиться в животное. К такому воззрению его привёл анализ мышления. Платон начинает приписы-

вать человеческой душе не столько деятельность по управлению движениями тела, сколько отвлечённое мышление. Животные же, согласно Платону, не обладают «мыслительной силой» (λογιστικόν).

Дальнейшее развитие и концептуальную разработку эти идеи получили у Аристотеля (384–322 до н.э.).

Аристотель «открыл» чрезвычайно важную характеристику движения живых тел – целенаправленность. И душа выступает в его работах не только как «движущая», но и как «целевая», «конечная» причина. Обращённость к целенаправленности, понимание души как энтелехии приводят Аристотеля к представлениям о градации душ, внутри которой рассматриваются души «растительная», «животная» и «разумная».

«Растительная» душа присуща всем живым телам, её цель – питание и воспроизведение. «Животная» (или «чувствующая») душа имеется у всех животных, в том числе и у человека, её цель – ощущения, которые связаны со стремлениями. И, наконец, «разумная» душа свойственна лишь человеку, её цель – мышление, рассуждение. Лишь «разумная» душа, по Аристотелю, бессмертна и не является телесной. Целесообразность человеческих действий (поведения), по Аристотелю, есть результат деятельности «разумной» души, размышления, ума. У животных же целесообразность поведения – результат влияния «чувственной» души, направляющей их действия к «приятному».

Аристотеля по праву можно считать основателем *психологического* направления в изучении поведения человека и животных, основной задачей которого стало выяснение свойств и качеств «души» как «внутренней детерминанты» поведения.

Дальнейшее развитие идеи логоцентризма получают у стоиков. Они также отрицали наличие «разумной души» у животных, а для объяснений целесообразности их действий ввели понятие «осмэ» (οσμη) – побуждения к пользе. «Осмэ» вложено в душу животных демиургом (в некоторых вариантах – мировой душой). Человек же в своих действиях руководствуется «разумным пониманием».

Все философы Античности сводят особенности поведения (движения) живых существ к особенностям их душ как некоего неотъемлемого атрибута, руководящего «изнутри» и детерминирующего действия тела. При этом сторонники антропоморфного подхода рассматривают душу лишь как «действующую», а последователи логоцентризма – ещё и как «конечную», направляющую причину. Интересно отметить, что в соответствии с взглядами на различия между душами человека и животных разрабатывались и этические нормы, затрагивающие отношение человека к животным. Так, сторонники антропоморфизма, считавшие эти различия несущественными, исповедовали отказ от умерщвления животных и употребления их в пищу. А последователи лого-

центризма, считавшие эти различия кардинальными, отрицали моральные обязательства человека по отношению к животным.

Средневековье. Теологизм

Христианское учение наложило неизгладимый отпечаток на все научные исследования Средневековья, в особенности касавшиеся человека. Мир, согласно христианской доктрине, сотворён Богом для Человека, который является подобием Божьим. Тезис о богоподобии, вознесённости Человека над остальной Природой и обусловил все предпринимавшиеся в рамках христианского мировоззрения (вплоть до сегодняшнего дня) сопоставления поведения человека и животных. Вполне закономерно, что теологи продолжили разработку идей логоцентризма, придав ему вид теологического антропоцентризма.

Христианские схоласты заимствовали у стоиков понятие «осмэ», буквально переводя его на латинский язык как «инстинкт» (*instinctus* – позыв, побуждение). Понятие «инстинкт» означало Божественное предопределение, заставляющее животное действовать целесообразно. Человек же, по христианскому учению, обладает свободной волей и разумом, которые и обуславливают его поступки. Душа человека, по мнению Фомы Аквинского (1125–1274), активна, движуща и разумна. Теологи утверждали примат души над телом. Отсюда трактовка тела как «дьявольского сосуда» и призывы к умерщвлению плоти, как пути избавления от «низменных животных инстинктов». Душа же человека устремлена ввысь к познанию Блага, которое состоит в постижении Бога. Интересно, что для подтверждения этого тезиса привлекалось даже прямохождение, вертикальное положение тела, свойственное якобы исключительно человеку. Животные же направляются инстинктом (читай Богом) лишь к собственной пользе – «плодитесь и размножайтесь» – и руководствуются в этом своими чувствами.

Теологи, вслед за Аристотелем, различают «чувствующую» и «разумную» души. Животным свойственна лишь первая, а в человеке соединяются обе. Все животные принципиально отличаются от человека, между ними существует непроходимая пропасть. Интересно, что соответствующим образом построено и этическое учение христианства по отношению к животным. Поскольку мир создан Богом для человека, постольку все животные и растения существуют лишь для человека, который волен поступать по отношению к Природе как ему заблагорассудится. Правда, в Библии сказано: «Блажен, иже и скоты милует», но здесь речь идёт о домашних животных, а кроме того можно и *не миловать*.

Таким образом, для «христианского логоцентризма» характерно сведение различий в поведении человека и животных к различию их душ. В душу животного *всё* вложено Богом в момент Творения и ничего

измениться в ней не может. Человек же благодаря «разуму» способен совершенствовать свою душу. В качестве атрибутивной характеристики животной души выступает «инстинкт», а человеческой – «разум». Соответственно этим «душевному» свойствам выделяются два типа поведения: «инстинктивные» и «разумные» действия; первые неизменны, вторые могут меняться. «Инстинкт» и «разум» были основными категориями в описании поведения и человека и животных вплоть до XX века.

Новое время. Механицизм

Революция в естествознании XV-XVII веков привела к разрушению средневековой картины мироздания. Вместо конечного, иерархически построенного (бог–человек–природа), сотворённого мира возникает бесконечный мир-механизм, в котором Богу отводилась в лучшем случае роль перводвигателя или «часовщика», давшего материи первый толчок. В соответствии с изменившейся картиной мира выдвигается новое решение вопроса «о месте Человека в Природе». Человек начинает рассматриваться как часть Природы, а не центр мироздания. Эта позиция побуждала к поиску законов, определяющих включённость человека в единый *физический* механизм мира.

Первым подобную попытку предпринял Р.Декарт (1596-1650). Опираясь на достижения анатомии (самой развитой биологической науки его времени) и механики, он ввёл в объяснения поведения (движений, действий) новый принцип детерминации – устройство телесной машины, *организацию* тела. «Конечно, с трудом можно поверить тому, что для всех движений, не зависящих от нашего мышления, достаточно строения органов. Поэтому я постараюсь доказать это. Я постараюсь объяснить механизм нашего тела так, чтобы у нас было так же мало оснований относить к душе движения, не связанные с волей, как мало у нас оснований считать, что у часов есть душа, заставляющая их показывать время» (Декарт 1950, с. 548-549).

Декарт явился основоположником концепции «машинообразности» поведения. Он считал, что душа может выступать лишь как «конечная», направляющая причина. Её целью является только мышление, разум, а, следовательно, у животных вообще нет души, это прерогатива исключительно человека*. Мышление как атрибут душевной деятельности *направляет* движения человеческого тела, которые сами по себе зависят лишь от «организации». Он отмечает: «Все действия, которые мы производим без участия нашей воли (как это часто происходит, когда мы дышим, ходим, едим, и вообще производим все отправления *общие нам с животными* (выделено мною – *Н.К.*), зависят только

* В отличие от воззрений теологов, для Декарта душа не «движущая», а лишь «активная» и «разумная».

от устройства наших членов... подобно тому, как ход часов зависит только от одной только упругости их пружины и формы колёс» (Декарт 1950, с. 604).

Через обусловленность поведения работой «механизма» тела Декарт приходит к понятию «рефлекс» (хотя сам термин он ещё не употребляет). Чтобы «механизм» работал в соответствии с выдвинутым Декартом принципом сохранения количества движения, необходимо внешнее воздействие, толчок, который, отражаясь (*reflection*) мозгом, приводит в движение мышцы. С работ Декарта начинается новое – *физиологическое* направление в изучении поведения живых организмов, предметом которого стало (и по сей день остаётся) изучение механизмов (!) поведения. При этом физиологи исходят из принципиального подобия механизмов поведения человека и животных и, вслед за Декартом, рассматривают животных как «организационную» модель человека (Ч = Ж).

Отлучение души от управления телом было продолжено последователями Декарта. Б.Спиноза (1632–1677), в частности, утверждал: «Ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою...» (Спиноза 1957, с. 457). К тому же выводу, правда, с иных позиций, пришли Н.Мельбранш (1638–1715) и Г.-И.Лейбниц (1646–1716). Они настаивали на полной независимости мышления и сознания от тела, поскольку мышление не вписывалось в «материальный механизм» мироздания. Дуализм души и тела у человека явился характерной чертой концепции «машинообразности» поведения.

Декарт выдвинул два типа детерминант, определяющих поведение животных: внутренние – организация тела; и внешние – физические воздействия среды. Акцент на внешнюю детерминированность движений «живых машин» привёл к анализу влияния внешних воздействий (изучение органов чувств), которые рассматривались, с одной стороны, как непосредственные физические причины движений, а с другой – как источник душевных состояний (ощущений). Однако эти две ипостаси сенсорных процессов были оторваны друг от друга.

Концепция «машинообразности» не могла объяснить активность, самодеятельность «живых машин» и целесообразность их действий. В противовес ей была выдвинута концепция «автономности» поведения, которая пыталась увязать две «внутренние» детерминации: «организацию» и «душу». По мнению сторонников этой концепции – например, Г.Шталя (1660–1734) – движения тела обусловлены не самим по себе строением организма (субстратом), а некими атрибутами, присущими *живым* (и только им) телам. В качестве таких атрибутов выступают всё те же: «душа», «инстинкт» или их модификация – жизненная сила. Именно в противоборстве с концепцией «машинообразности» родился

витализм и... были обнаружены такие атрибутивные характеристики живой материи, как раздражимость и чувствительность! Благодаря нацеленности исследователей на поиск немеханических внутренних детерминант поведения сами внешние детерминанты получили уже не физическую, а *физиологическую интерпретацию*.

Однако нужно отметить, что сторонники обеих концепций равным образом подчёркивали отличие человека от животных – способность к мышлению и определяемое ею «разумное» поведение.

Просвещение. Сенсуализм

Ведущее место в построениях деятелей Просвещения заняла концепция «естественного человека», развивавшая и дополнявшая декартово понимание включённости Человека во Вселенную. «Человек – произведение Природы, – писал П.Гольбах (1723–1789), – он существует в природе, подчинён её законам, не может – даже в мысли – выйти из природы» (Гольбах 1963, с. 59). Под этим углом зрения и проводились многочисленные сопоставления поведения человека и животных. Этой темой занималось множество крупных исследователей, внёсших существенный вклад в её освещение. Однако я остановлюсь в основном на взглядах одного из этой когорты великих – Ж.О.Ламетри (1709–1751).

XVIII век был веком воинствующего эмпиризма, и огромной заслугой Ламетри явилось перенесение проблемы из области спекуляций на почву строго научного исследования: «В данной работе нами должны руководить только опыт и размышление» (Ламетри 1983, с. 179). Он использовал практически все доступные ему материалы, а также результаты собственных исследований и наблюдений: «...воспользуемся здесь сравнительной анатомией, – писал он, – вскрыем внутренности человека и животных. Ибо как познать природу человека, если не сопоставить его строение со строением животных?» (Там же, с. 186). Однако Ламетри не ограничивается лишь анатомией, он тщательнейшим образом рассматривает особенности поведения различных животных и человека, предпринимая обширные экскурсии даже в область возрастных и патологических отклонений в поведении.

Основная идея Ламетри чётко выражена в заглавиях двух его главных работ, посвящённых интересующей нас проблеме: «Человек-машина» и «Животное – больше чем машина». Если Декарт предпринял попытку уничтожить «чувственную» душу как принцип, объясняющий поведение человека и животных, то Ламетри решил покончить с «разумной душой». Он пытается показать, что и «разумные» действия могут быть объяснены «естественными» причинами, без обращения к богоданной душе. Подобие в строении (организации) человека и животных служит Ламетри, как же как и Декарту, обосновани-

ем сходства в их поведении. Однако это сходство, по Ламетри, гораздо шире.

И человеку, и животным в равной мере присуща «автономия» отдельных форм поведения – «инстинктивность». Но инстинкт, по Ламетри, не является неким таинственным атрибутом души, а «состоит из чисто механических телесных свойств, заставляющих животных действовать независимо от всякого размышления и опыта, как бы в силу необходимости, и, однако, наилучшим для сохранения их жизни образом» (Ламетри 1983, с. 99). Полемизируя с Г.Шталем, Ламетри отрицает участие «разумной» души в совершении огромного количества движений у человека (таких как ходьба, поддержание равновесия и т.п.) и подчёркивает их сходство с инстинктами животных.

И человеку, и животным, по Ламетри, свойственны разумные действия. Причём сходство в их поведении тем больше, чем больше сходства в строении тел. Основой разума, в соответствии с принципами сенсуализма, являются чувства, а его вмещилищем считается мозг. Ламетри считает, что поскольку животные обладают органами чувств и мозгом, мы не можем отказать им в разуме.

Взгляды Ламетри на причины сходств в поведении человека и животных были поддержаны многими учёными. Ж.Бюффон (1707–1788), к примеру, писал: «...животные наиболее уподобляющиеся видом и сложением человеку, удержат всегда, несмотря на защитителей* насекомых, своё владычество» (Бюффон 1792, с. 305). Наиболее детально эту проблему разработал Ж.-Б.Ламарк (1744–1829), который прямо связывал особенности поведения животного со строением его нервной системы. Выделив три типа строения нервной системы, Ламарк описал три соответствующих им типа поведения, приписав всем позвоночным способность к разумным действиям.

Подчёркивая несомненное сходство в поведении человека и животных, Ламетри указывает и на существенное их различие: «...как ни велика понятливость обезьян, человек обнаруживает гораздо бóльшую восприимчивость к обучению». И далее: «Благодаря этому качественному превосходству человеческой души, благодаря избытку познания, вытекающему, очевидно, из строения человека, он и является царём среди животных и один только способен к общественной жизни, для которой его трудолюбие изобрело языки, а его мудрость – законы и нравы» (Ламетри 1983, с. 239).

Достаточно подробно Ламетри рассматривает проблему языка, в котором ещё в Античности видели коренное отличие человека от животных. По мнению Ламетри, язык животных подобен языку человека,

* Речь идёт о Р.А.Реомюре (1683–1757), который в своей известной работе «Естественная история насекомых» приписывал насекомым разум, равный человеческому.

который только что более богат и сложен, как более велик и сложен человеческий мозг. Он пишет: «...животные говорят при помощи превосходных пантомим, мы – при помощи слов» (Ламетри 1983, с. 101). Самым главным в языке является для Ламетри то, что человек научается ему в общении с себе подобными. Обучение, воспитание является (помимо телесной организации) важнейшим преимуществом человека. Ламетри приводит примеры обучения языку глухонемых от рождения, пытается реконструировать историческое становление языка в человеческом обществе. Ламетри обосновывает *социальную* детерминированность языка и, соответственно, мышления и поведения человека, иллюстрируя ей, в частности, примерами детей, воспитанных животными, которые лишь внешне являются людьми.

Именно акцентирование социальности позволило Ламетри существенно расширить сенсуалистское толкование разумного поведения. Тем самым внешние детерминанты поведения, имевшие у Декарта исключительно физическую (механическую), а у виталистов – физиологическую природу, у Ламетри приобретают характер социальных (обучение).

Натурализм

Век Просвещения был и периодом расцвета натурализма, всеобщей увлечённости «естественной историей». Концепция «естественного человека» послужила толчком к изучению его «естественного» окружения – «произведений Природы». Существенную роль в поддержании этого интереса сыграли запросы развивающегося капиталистического хозяйства, медицины и пр. В работах многочисленных «естественных историков» выдвигается новое направление в изучении поведения – *натуралистическое*.

В связи с оформлением концепции вида и возникновением систематики развивается представление о видоспецифичности поведения, которое начинает рассматриваться теперь как «образ жизни». В описание «образа жизни», помимо движений, действий животного, включается среда обитания. Роль внешних детерминант поведения, таким образом, получает в натуралистических исследованиях новую трактовку – *биологическую*, т.е. поведение начинает рассматриваться как приспособление к среде обитания. Предметом натуралистического направления становится изучение особенностей поведения разных видов животных в специфической среде. Сравнительно-анатомическая «лестница существ» начинает «обрастать» поведенческими признаками. выделяются и описываются *формы* поведения – пищевое, половое, оборонительное, строительное и пр.

Натуралистические исследования были в основном описательными. Однако, как уже отмечалось во введении, каждое описание было

теоретически нагруженным. В качестве «теорий», точнее сказать, толкований натуралистических наблюдений выступали объяснительные принципы психологического и/или физиологического направлений.

Важнейшей задачей всех направлений в изучении поведения было объяснение целесообразности. Если целенаправленность разумных форм поведения и человека, и животных (когда таковые у животных допускались) объяснялась размышлением и выбором наиболее подходящих для конкретной ситуации действий, то объяснение инстинктивных действий представляло значительные трудности и постепенно выдвинулось в качестве главной задачи в изучении поведения.

Для объяснения удивительного разнообразия и приспособленности различных инстинктов животных значительная часть исследователей обращалась к Божественному вмешательству. Их трактовки инстинкта отличались от воззрений теологов лишь более разработанностью и детализированностью [см., например, работы А.Галлера (1708–1777), Г.С.Реймаруса (1696–1768) и др.]. Реймарусу, к примеру, принадлежит чёткое разделение двух различных смыслов, вкладывавшихся в понятие «инстинкт» – инстинкт как «слепое», неосознаваемое побуждение (то, что сейчас обозначают как «мотивация», «drive»); и инстинкт как совокупность действий, характеризующихся неизменностью, врождённостью, видоспецифичностью.

С чрезвычайно интересной гипотезой выступил Э.Б.Кондильяк (1715–1780). Исходя из внешнего сходства привычек (которые он рассматривал как действия «разумные», в силу частого повторения ставшие автоматическими, машинообразными), с «инстинктами», он предположил, что инстинктивные действия являются результатом унаследования в ряду поколений привычек, приобретённых в течение жизни особи. Эта идея усиленно пропагандировалась Ш.Ж.Леруа (1723–1789), который первым из натуралистов специально занялся изучением поведения животных в естественных условиях. Кондильяк первым попытался на божественность «инстинкта», предположив, что инстинктивные действия могут изменяться. Леруа же привёл в доказательство этого положения изменённые, по сравнению с дикими предками, «инстинкты» домашних животных.

Исследования поведения оказались существенным стимулом к разработке проблемы развития (эволюции) животного мира. Гипотеза Кондильяка послужила основой учения Ламарка о наследовании благоприобретённых признаков. Ламарк распространил эту идею не только на поведение, но и на морфологические признаки и сделал её одним из главных законов эволюции.

Важнейшим источником эволюционных идей в это время, на мой взгляд, явилась аналогия между поведением животных и человека (антропоморфизм). Тезис о социальной обусловленности поведения

человека и роли в этом процессе обучения, сформулированный Ламетри, был поддержан многими исследователями (например, Бюффоном). Наблюдения самого Леруа чётко продемонстрировали, что обучение является важнейшим элементом формирования поведения и у животных. Казалось естественным предположить, что как человек посредством обучения «наследует» знания своего общества, так и животные наследуют в виде «инстинкта» «разумное» поведение своих предков. Именно аналогия между индивидуальным и историческим, социальным и биологическим развитием поведения (по существу, их смешение) и легла в основу общеэволюционной идеи Ламарка, в которой Человек рассматривался как закономерный этап прогрессивного усложнения, эволюции Природы. Однако только через пятьдесят лет концепция эволюции и новое понимание «места» Человека получили признание учёных.

Трактовка Человека как существа социального, общественного, явившаяся важнейшим итогом работ просветителей, послужила предпосылкой «раздвоения» понимания «места» Человека и «разведения» «естественной» и «человеческой» истории. Если на протяжении почти всего XVIII века проблема Человека рассматривалась в единстве гуманитарных и естественнонаучных аспектов (пример тому – работы энциклопедистов, пытавшихся обосновать «естественное право», «естественную религию» и пр.), то на рубеже XIX века формируется целый ряд специально гуманитарных наук: этнография, языковедение, археология, социология и пр. В гуманитарных исследованиях также затрагивались вопросы поведения человека, однако в них рассматривались не естественные (физические, физиологические, биологические), а социо-культурные детерминанты.

В то же время продолжают интенсивно развиваться естественнонаучные направления в изучении поведения человека и животных: психологическое, физиологическое и натуралистическое. Первое из них концентрирует усилия на исследованиях органов чувств, второе – на нервно-мышечных механизмах, третье – на сравнительных исследованиях в природе. К середине XIX века было накоплено огромное количество материала, впрочем, весьма разрозненного. Не хватало стержня, объединяющей идеи.

Эволюционизм

Переломным моментом в развитии исследований поведения и человека и животных явился выход труда Ч. Дарвина «Происхождение видов...». Хотя в самой книге человеку посвящена единственная, многократно цитировавшаяся фраза («Будет пролит свет...»), принцип историзма явился ключом к синтезу идей и материалов, накопленных в изучении поведения.

Вряд ли стоит распространяться о вкладе Дарвина в разработку интересующей нас проблемы, он хорошо известен. Отмечу лишь, что одной из важнейших заслуг Дарвина (правда, в полной мере оценённой лишь в XX веке) было объяснение целесообразности инстинктов как результат естественного отбора. Тем самым, он ввёл в изучение поведения новый объяснительный принцип – *филогенетическую детерминированность* и наполнил новым содержанием понятие «биологических детерминант» поведения, представив их как результат Борьбы за существование. Однако самое главное состояло в обосновании Дарвином нового понимания «места Человека в Природе».

В течение всего двенадцати лет – от появления «Происхождения видов» до выхода «Происхождения человека» – было опубликовано множество научных работ, от небольших статей до объёмистых томов, в которых рассматривалось положение Человека в ряду природных объектов. В соответствии с принципами эволюции Человек оказался включённым в Природу не как часть общего «механизма», а как закономерный этап развития Жизни на Земле. Смена физического обоснования «природности» Человека биологическим послужила, с одной стороны, толчком к «биологизации» Человека, а с другой – поводом для «очеловечивания» Природы. В сопоставлении человека и животных в это время можно выделить две главенствующие линии: антропоморфизм в изучении поведения животных и его зеркальное отражение – зооморфизм в изучении поведения человека. Восторжествовал принцип полного подобия поведения человека и животных.

На некоторое время происходит идейное объединение гуманитарных и естественнонаучных подходов к изучению поведения человека на базе эволюционизма. Исследования социокультурных предпосылок человеческого поведения заменяются рассуждениями о борьбе за существование среди людей (социал-дарвинизм), а все биологические предпосылки индивидуального, да и общественного поведения сводятся к бесчисленному количеству «инстинктов», из которых выводятся и сознание, и воля, и все остальные качества личности (инстинктивизм), или к явлениям наследственности (евгеника). В общем, обураваемый инстинктами человек, в силу своего звериного происхождения, начинает жаждать крови своих братьев, причём в тем большей степени, чем более кровожадными были его родители.

В изучении поведения животных также происходит объединение различных направлений – возникает зоопсихология (или, как её ещё называли, сравнительная психология животных). С момента зарождения натуралистического направления главной задачей было описание и объяснение различий в поведении животных разных видов. Однако до Дарвина такая «сравнительная психология», в развитие которой в начале XIX века весомый вклад внёс Фредерик Кювье (1773–

1838), так же как и сравнительная анатомия Ж.Кювье (1779–1869), была далека от эволюционных проблем. Весьма показательно, что в 1866 (!) году известный натурфилософ К.Г.Карус (1789–1869) выпустил книгу, посвящённую сравнительно-психологическим исследованиям, в которой пытался опровергнуть дарвинизм (Карус 1867). Зоопсихология «перетолковывала» материалы, накопленные натуралистами, с позиций эволюционизма. Уничтожение пропасти между человеком и животными в работах Дарвина и его последователей привело к «безудержному антропоморфизму» в объяснениях поведения животных. В огромных количествах начинает плодиться научная и околону научная литература, в которой журавли устраивали суды чести, муравьи проводили общие собрания, а слоны обсуждали проблемы политического устройства общества. Интересно отметить, что именно в это время разворачивается широкое движение за «права животных», создаются многочисленные общества «покровительства животным», издаются соответствующие журналы.

В рамках зоопсихологии был поднят целый ряд вопросов, имевших исключительное значение при сопоставлении поведения человека и животных. Одним из таких вопросов было соотношение социальности у человека и у животных. Предпринимались неоднократные попытки вывести социальную организацию человеческого общества из сообществ животных, например, Г.Спенсером (1820–1903). Исследовались различные биологические предпосылки социальности: взаимопомощь (П.А.Кропоткин, 1824–1921), материнский инстинкт (А.Сутерланд), подражание (Дж.М.Болдуин, 1861–1934). Изучение зоосоциальности оказало существенное влияние на становление психологии групп, социальной психологии.

В зоопсихологических исследованиях был накоплен интереснейший материал, однако их главным пороком был стиль объяснений: от сходных действий – к сходным причинам. Фактически в зоопсихологии произошла подмена объяснения причин сходства отождествлением поведения человека и животных.

Одной из причин широкого распространения такой аналогии стало «оживление» схемы Кондильяка-Ламарка в объяснениях происхождения и целесообразности инстинктов (в этом не последнюю роль сыграл и сам Ч.Дарвин). Смещение «инстинктивных» и «разумных» действий, вытекающее из наследования благоприобретённых признаков, явилось основой очеловечивания животных. Однако, помимо этого, антропоморфизм имел глубокие корни в самой методологии изучения поведения.

Прежде всего надо подчеркнуть, что на протяжении предшествующего периода основным методом изучения поведения человека была интроспекция, самонаблюдение. Все суждения о детерминации

поведения других людей проводились исключительно по аналогии с детерминантами поведения самого наблюдателя, т.е. субъективно. Естественно, что эта же аналогия использовалась и для объяснений поведения животных.

Кроме того, главным методом работы натуралистов было наблюдение. Поэтому не удивительно, что во все времена они обращались к изучению именно «инстинктов». Инстинкты видоспецифичны и постоянны. Поэтому в природных исследованиях легко обнаруживается *разнообразие в постоянстве*, т.е. изменчивость инстинктивных действий. «Разумные» же действия чрезвычайно изменчивы, индивидуальны (даже у особей одного вида) и поэтому обнаружение *постоянства в разнообразии*, т.е. стабильных характеристик «разумности» в природных исследованиях затруднено. Поскольку со времён Фомы Аквинского главным признаком «инстинктов» считалась неизменность, а надёжные критерии «разумности» отсутствовали, всякая изменчивость поведения приписывалась «разумным» действиям.

Эти методологические огрехи привели к тому, что «субъективная» зоопсихология начала разваливаться под напором критики, обрушившейся на неё и «сверху» и «снизу», и «справа» и «слева». Основным объектом критики стал главный объяснительный принцип зоопсихологии – прямая аналогия между поведением человека и животных.

«Справа» на зоопсихологию напали теологи. Наряду с аргументами, восходящими ещё к Фоме Аквинскому, они приводили ряд возражений научного характера (таковы, например, работы Э.Васманна).

«Слева» выступили натуралисты. Их критика была направлена против случайных, непроверенных наблюдений. Они призывали на помощь опыт и многократную проверку данных (работы В.А.Вагнера, Н.А.Холодковского).

«Снизу» подвирали физиологи. Их не устраивало даже использование психологической (интроспекционистской) терминологии, не говоря уже о прегрешениях против экспериментальной проверки материала. «Для физиолога не существует психологии» – вот самый популярный лозунг того времени (работы И.П.Павлова, А.Бете и др.).

И, наконец, «сверху» зоопсихологию атаковали психологи. В рамках психологии в это время также идёт борьба за «объективизацию» исследований, разрушение интроспекционистской методологии (работы В.М.Бехтерева, Дж.Уотсона).

Позволю себе привести цитату: «Есть только один наружный знак, по которому мы можем судить об этом (о душевной жизни – *Н.К.*), это – действия животных» (разрядка автора). Под этой фразой подписался бы любой из противников «субъективной» зоопсихологии, а принадлежит она журналисту (!) И.В.Скворцову (1886, с. 1).

Критика зоопсихологии, с каких бы позиций она не велась, ориен-

тировала исследователей на поиск объективных способов изучения и на объективное истолкование поведения, на обнаружение реальных сходств и реальных различий. Контroversа «инстинкт–разум», утвердившаяся ещё в Средневековье, разрушается и заменяется дихотомией «врождённого–приобретённого» в поведении. В борьбе с субъективизмом рождается новая терминология – именно в это время слово «поведение» приобретает статус научного термина. Критика зоопсихологии позволила самоопределиться и размежеваться новым направлениям и подходам в изучении поведения. Можно сказать, что зоопсихология выполнила роль запала во взрыве исследований поведения, раздавшемся в XX веке. Кроме того, эта критика заставила некоторых учёных понять, что вне действительно эволюционного мышления сопоставление поведения человека и животных попросту не продуктивно: сколько бы мы не открывали сходств и/или различий, главное состоит в объяснении путей и способов их формирования в процессе эволюции (к сожалению, до сих пор это осознают отнюдь не все).

В первой половине XX века в натуралистических работах проблема сопоставления поведения человека и животных отошла на второй план, но выдвинулись два новых подхода. Одни исследователи обращаются к изучению онто- и филогенеза различных форм поведения (строительного, пищевого и пр.) у разных видов животных. Их работы привели к формированию в 1930-х годах «классической» этологии, в которой большее внимание уделялось врождённым компонентам поведения. Другие исследователи начинают изучать взаимоотношения животных со средой обитания. Их работы привели к созданию аутоэкологии, которая до середины 1930-х годов была построена в основном на описании поведения (характер питания, миграции и пр.).

Проблема же соотношения поведения человека и животных становится прерогативой психолого-физиологического направления. Психологи, объединившись с физиологами, занялись экспериментальными лабораторными исследованиями, смысл которых состоял в поиске неких «элементов», «кирпичиков», из которых состоит поведение. Основное внимание в исследованиях этого направления уделяется приобретённым формам поведения – научению. Появляется группа концепций, где в качестве «элементов» поведения фигурируют: «тропизмы» (Ж.Леб), «пробы и ошибки» (Г.С.Дженингс, Э.Торндайк), «рефлексы» (И.П.Павлов, В.М.Бехтерев), «стимулы и реакции» (Дж.Уотсон). Необходимо отметить, что если в начале XX века учёные работали с достаточно широким набором видов, то к 1930-м годам эксперименты проводятся, в основном, на крысах и на собаках, т.е. происходит свёртывание собственно сравнительных исследований.

Во многом это положение определялось самой идеологией «аналитического» подхода. В самом деле, если «кирпичики», лежащие в основе

поведения, в принципе одинаковы у всех животных (а из положений эволюционизма вытекает вроде бы именно это), то можно работать с удобными для лабораторных исследований видами. Подтверждением тому, казалось, было и обнаруженное уже в ранних работах Э.Торндайка сходство «законов научения» у разных видов. С другой стороны, в работах на приматах, как животных наиболее близких к человеку, было обнаружено, что они способны к такому поведению, которое раньше считалось специфически человеческим (опыты В.Келера).

В исследованиях человека разрушается интроспекционистская методология и создаётся набор методов (частично заимствованных из физиологии), позволяющих получить объективную информацию о психических процессах и психодоминантах поведения. Возникает целый ряд направлений: дифференциальная, возрастная и другие варианты психологии. Вместе с тем обнаружение сходства основных «элементов» и «механизмов» научения у человека и животных стимулировало поиск специально человеческих свойств поведения. В качестве таких особенностей выступили социокультурные феномены: «трудовая деятельность», «язык», «общение» и т.д. Происходит переориентация исследований от индивидуальной к социальной психологии.

К концу 1950-х годов под действием взаимной критики намечается тенденция к сближению этологического и психолого-физиологического подходов. «Болевой точкой» соприкосновения оказалась дихотомия «врождённое–приобретённое» в поведении. Этологи занимались преимущественно первым, их противники – вторым. В результате сближения формируются эпигенетические представления об онтогенезе поведения. Именно в это время институализируется *генетика поведения*, предметом которой стало выяснение того, ЧТО и КАК в поведении определяется генотипом. Хотя первые исследования роли генетических факторов в процессах научения были начаты ещё в 1920-е годы М.П. Садовниковой-Кольцовой, в то время они не привлекли внимания.

Современность. Системный подход

Практически до 1960-х годов изучение поведения человека и животных происходило в большой степени независимо, параллельно, исключая редкие сравнительно-физиологические или сравнительно-психологические сопоставления. В 1960-х же годах проблема соотношения поведения человека и животных снова начинает выдвигаться на передний план и в настоящее время привлекает внимание большинства исследователей, работающих в области поведенческих наук. Рост интереса к этой проблеме был связан с проникновением в исследования поведения системного подхода, а конкретнее – с выдвиганием популяционизма в качестве основы общебиологического мышления. Системное мышление с необходимостью требовало изучения меха-

низмов-регуляторов целостности, стабильности и связности популяций как единой системы. Первоначально (в 1920-1930-е годы) в качестве таких механизмов рассматривались исключительно генетические взаимодействия между особями (популяционная генетика). Чуть позднее в популяционные исследования включается экология, которая акцентирует внимание на внешних регуляторах (биотические и абиотические факторы среды). И лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов в качестве внутренних механизмов регуляции начинает рассматриваться поведение*. Изучение любой системы подразумевает также выяснение её внутренней структуры, путей и способов передачи информации и энергии. Не случайно поэтому исследования сосредотачиваются на изучении коммуникации и социальной структуры популяций у животных.

Вторжение исследователей поведения животных в область *социальных* взаимодействий вызвало двоякую реакцию. Одни учёные отвергали даже возможность использования социологической терминологии и конструировали массы, как им казалось, нейтральных терминов: «групповое», «коммуникативное», «стайное», «стадное» и пр., призванных описывать социальное поведение животных. Они считали, что *всё*, что является «социальным», – исключительно прерогатива человека. Другие, вполне в духе эволюционизма, увидели в социальности животных предпосылки социальных явлений и процессов у человека. Однако, как и сто лет назад, часть из них скатилась к антропоморфизму.

Как и в XIX веке, одним из источников антропоморфизма явилась методология изучения поведения. В «классической» этологии социальность животных рассматривается в контексте «парных взаимодействий». Представления о диалогичности языка и его функции как средстве общения у животных легло в основу «коммуникационного антропоморфизма». Именно функциональный анализ, поиски реальных и мистических функций социальных контактов – всё это обусловило многочисленные попытки «конструирования» смысловых сообщений в коммуникации животных. Исследователи, придерживающиеся этого направления, исходят из полного подобия коммуникативных процессов у человека и животных. В их работах началось наступление на извечную твердыню «логоцентризма» – язык! Большой интерес привлекают в последнее время опыты по обучению шимпанзе и других животных различным символическим языкам. Увеличивается число исследований, посвящённых негенетическим системам хра-

* Параллельно этим изменениям происходило изменение объёма и содержания категории «популяция». Я не могу подробно разбирать этот вопрос, отмечу лишь, что существует целая иерархия значений термина – от «больших» менделеевских популяций генетиков до микропопуляций (парцелл, демов) социозтологов.

нения и передачи информации в популяциях животных. «Традиции» животных, привлекавшие внимание ещё создателей эволюционной теории, вновь становятся предметом обсуждений.

Эпигенетические представления приводят некоторых исследователей к проблеме онтогенетического становления социального поведения у животных. В многочисленных экспериментах показано, что нормальное социальное поведение формируется у молодых животных (как и у человека) только в процессе общения с сородичами, что молодые могут усваивать определённые «роли», «манеры», «стили», зависящие от поведения окружающих. И, наконец, большой интерес представляют исследования, посвящённые «трудовой деятельности» животных. Описываются «орудия труда», изготавливаемые различными животными, способы передачи «трудовых навыков».

С другой стороны, эволюционные проблемы, в частности необходимость объяснения происхождения и социальности у животных, явились источником создания социобиологии. Эволюция социального поведения привлекла внимание исследователей ещё в начале XX века. Интерес к этой проблеме особенно усилился в работах этологов «классического» направления. Основным в их работах были сравнительные исследования социального поведения и попытка реконструкций его филогении в различных таксонах, «привязанная» к филогениям, построенным с помощью других методов. Такого рода исследования чаще всего проводились на общественных насекомых и птицах и составили существенную *описательную* часть социобиологии.

В 1960-х же годах учёных привлекли *механизмы* эволюции социального поведения и их соотношение с процессами отбора и борьбы за существование. Идеологической основой теоретических построений социобиологов послужили постулаты популяционной генетики и возрождённые представления об «эгоизме» и «альтруизме» как элементарных проявлениях социальности. Произвольно приписав «альтруизму» и «эгоизму» жёсткую генетическую детерминированность (самое удивительное, на мой взгляд, что в социобиологических схемах эти «поведенческие» признаки определяются одним или несколькими генами, т.е. попросту игнорируется весь материал генетики поведения), социобиологи обратились к конструированию математических моделей. Интересно отметить, что как и сто лет назад, когда Ч.Дарвин нашёл в экономике модель механизма естественного отбора – конкуренцию, нынешние исследователи заимствовали из экономики целый ряд понятий и моделей: анализ «платы-выигрыша», принцип «оптимизации затрат», концепцию «манипулирования родительским вкладом».

Подобные формальные математизированные модели и легли в основу социобиологических объяснений. В исследованиях на животных они выполняют роль существенного стимула (для многих исследова-

телей – как раздражающий объект, требующий опровержения), но в социобиологических трактовках человека процветает откровенный зооморфизм.

Прежде всего, такой «социогенетический зооморфизм» постулирует единство механизмов генетической детерминации социального поведения у человека и *всех* животных, в том числе и беспозвоночных, против чего возражал ещё Бюффон (1792, с. 13). Кроме того, социобиологи полностью игнорируют онтогенетические процессы и наличие негенетических (социокультурных) детерминант поведения человека и животных, пытаясь свести, приравнять культуральные явления и процессы к генетическим и тем самым уклониться от обсуждения роли культуры в эволюции социальности.

Оборотной стороной социобиологических построений является «безудержный антропоморфизм». Рассуждения об «оценке итоговой приспособленности», «выборе стратегии размножения», «жертвовании интересами» и пр. создают впечатление, что вместо животного, поведение которого описывается, действует, по меньшей мере, выпускник университета.

Заключение

Подведём некоторые итоги. На протяжении всей истории изучения проблемы наблюдается противостояние двух основных подходов: антропоморфизма и логоцентризма. Их взаимодействие на каждом этапе определяет конкретную ситуацию, складывающуюся при сопоставлении поведения человека и животных. Антропоморфный подход подчёркивает сходство между ними, логоцентрический – различия.

Важно подчеркнуть, что антропоморфизм всегда исторически предшествует логоцентризму. По-видимому, причиной этого является особенность нашего познания – сталкиваясь с неизвестным (будь то объект, явление или процесс), мы сначала ищем в нём сходства с чем-либо нам уже известным и лишь при дальнейшем изучении выделяем различия. Именно поэтому первые исследователи поведения животных (как и нынешние при изучении новых особенностей поведения) обращались к более им «известному» собственному поведению. Именно поэтому, исследуя отличительные особенности поведения человека, мы всякий раз ищем аналогов этим особенностям в поведении животных (так было с «душой», «разумом», «языком», «трудом», так сейчас обстоит дело с «познанием»). А сопоставив их, мы снова обнаруживаем отличия. Этот процесс, по-видимому, бесконечен, как бесконечно стремление человека к истине. В историческом процессе постижения истины исследования поведения животных являются как бы зеркалом, в котором отражаются успехи и трудности в изучении поведения человека, и наоборот.

Вместе с тем, как уже отмечалось, суть дела состоит не просто в описании, констатации неких сходств и/или различий в поведении человека и животных, а в объяснении причин их существования, в рассмотрении *процессов*, обеспечивающих или обуславливающих их наличие. Именно в этом заключается смысл эволюционного подхода. Мы слишком часто бездумно пользуемся словом «предпосылки» (например, биологические предпосылки речи и т.п.), забывая, что чрезвычайно мало просто указать, что нечто похожее есть у животных. Важно понять, как это нечто в процессе эволюции привело к появлению специфически человеческих свойств поведения. Также недостаточно указать, что какой-то признак отличает человека от животных: необходимо показать, из чего и как этот признак стал отличительным.

На протяжении истории неоднократно изменяются *предпосылки* поиска, *содержание* и *способы объяснений* сходств и различий в поведении человека и животных. Изменения содержания выделяемых сходств и различий обуславливается взаимным влиянием двух упомянутых подходов. Успехи одного служат мощным стимулом для развития другого. Постоянное противоборство, взаимная критика обеспечивают поступательное развитие исследований, нацеленных на поиск как сходств, так и различий. Так, к примеру, акцентирование языка, второй сигнальной системы как отличительного признака человека, обусловило интенсивные исследования языка животных, в процессе которых были выявлены важные закономерности коммуникации, общие для человека и животных. Это, в конечном счёте, оказало существенное влияние на становление семиотики как метанауки, описывающей любые знаковые системы. В свою очередь, развитие семиотики стимулировало широкое изучение речевой деятельности человека и обнаружение новых специфических свойств и функций (что, в конечном итоге, оказало огромное влияние на психолингвистику).

В качестве предпосылок обнаружения (и одновременно ведущих принципов объяснения) конкретных сходств в поведении человека и животных выступают разнообразные «универсальные законы»: от общей включённости человека и животных в единый «механизм» Природы (у Декарта) до единства явлений наследственности для всех организмов (у социобиологов). Аналогичную роль в поиске и объяснении различий выполняют «частные законы», приложимые, по мнению исследователей, только к человеку (или только к животным): от богоподобия (у теологов) — до трудовой деятельности (у психологов-марксистов). Выдвижение и обоснование таких «законов» неотделимо от развития всей науки, точнее, всей культуры общества в целом. Подобные «законы» служат ориентирами, подчас неосознаваемыми, для решения конкретных научных проблем. С другой стороны, именно ориентация исследователей на подтверждение или опровержение таких «зако-

нов» вызывает громкий общественный резонанс при публикации, казалось бы, сугубо научных трудов (как это было с «Происхождением видов» Ч.Дарвина, «Рефлексами головного мозга» И.М.Сеченова, с книгой К.Лоренца «Об агрессии» и с «Социобиологией» Э.Вильсона).

Обнаружение таких ориентиров в творчестве учёных прошлого представляет значительный интерес для историка науки. Однако, как мне кажется, каждый исследователь, занимающийся вроде бы узкой конкретной задачей, должен сознавать глобальную направленность своей научной деятельности. Рефлексия учёного по поводу предпосылок и истоков решаемых им проблем является мощнейшим инструментом на пути к истине и первым условием действительно теоретического осмысления получаемых результатов (чего, к сожалению, пока ещё недостаёт биологическим исследованиям, особенно в области поведения).

Литература

- Бюффон Ж. 1792. *Всеобщая и частная естественная история*. СПб., 5: 1-480.
Гольбах П. 1963. *Избранные произведения в 2-х томах*. М., 1: 1-715.
Декарт Р. 1950. *Избранные произведения*. М.: 1-712.
Карус К.Г. 1867. *Сравнительная психология или история развития души на разных ступенях животного царства*. М.: 1-207.
Ламетри Ж.О. 1983. *Сочинения*. М.: 1-509.
Скворцов М.В. 1886. *Мир человека и животных*. СПб.
Спиноза Б. 1957. *Избранные произведения в 2-х томах*. М.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 514: 1681-1682

Гнездование жёлтой цапли *Ardeola ralloides* на Кременчугском водохранилище

М.А.Осипова

*Второе издание. Первая публикация в 1984**

В июле 1981 года на Петровом острове в Сулинском заливе Кременчугского водохранилища на Днепре обнаружено гнездо жёлтой цапли *Ardeola ralloides* с кладкой из 5 насиженных яиц. Оно находилось в крупной смешанной колонии цаплевых (*Nycticorax nycticorax*, *Ardea cinerea*, *Egretta alba*, *E. garzetta*) и располагалось в нижнем ярусе гнёзд по соседству с гнёздами квакв. По-видимому, обнаруженная пара

* Осипова М.А. 1984. Гнездование жёлтой цапли на Кременчугском водохранилище // *Орнитология* 19: 184.

птиц гнездится на острове первый год. В пользу этого свидетельствует расположение гнезда на окраине участка сосновой посадки, занятого цаплевыми в 1981 году при расширении основной колонии.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 514: 1682-1684

О гнездовании бородатой неясыти *Strix nebulosa* в Нижнесвирском заповеднике

М.В.Патрикеев

Второе издание. Первая публикация в 1998*

Три выводка бородатой неясыти *Strix nebulosa* были встречены в 1983 году в юго-восточном Приладожье в пределах Нижнесвирского заповедника. В этих местах в 1986-1987 годах мы выявили 2 пары этих сов. Участки их постоянного обитания расположены на расстоянии около 5 км один от другого. На участке первой пары, обитающей в центральной части заповедника (близ кордона Лахта), в 1987 году было найдено гнездо. Другая пара, вероятно, гнездится в ельниках реки Пельчужня. Птицы токовали там осенью и весной, но обнаружить их гнездо так и не удалось.

Найденное гнездо располагалось в старом осиннике с примесью берёзы и ели на берегу ручья и было устроено на осине в нижней развилке ветвей на высоте 12 м. С одной стороны к дереву с гнездом подступает зарастающая вырубка, а с другой в 20-30 м к осиннику примыкает поросшее редким сосняком моховое болото. Гнездо многолетнее, построено из ветвей толщиной 1-1.5 см. Вероятно, ранее эта постройка принадлежала канюку *Buteo buteo*.

Ток у бородатой неясыти начался в конце первой декады марта при температуре воздуха минус 14-15°C. Совы активно подавали голос начиная с 20 ч. В разгар тока (в последних числах марта) у гнезда самец кричал даже днём (в 12 ч 30 мин). Угасание голосовой активности приходится на середину-конец апреля.

Кладка началась между 10 и 14 апреля, после чего самка уже неотлучно находится в гнезде. Она сидит на яйцах достаточно плотно, не обращая внимания на наблюдателя. Самец в дневные часы находится не далее 50 м от гнезда. Несколько раз в час партнёры поддер-

* Патрикеев М.В. 1998. О гнездовании бородатой неясыти в Нижне-Свирском заповеднике // Современная орнитология 1998. М.: 243-246.

живают голосовую связь. На короткое «гуу» самца самка отвечает глухим горловым урчанием «grrr-grrr».

Вылупление первого птенца произошло 10-11 мая. После появления на свет всех птенцов самка уже не помещается в гнезде и сидит, держа хвост под углом почти 90° к телу. При обследовании гнезда 31 мая там оказались 3 вполне упитанных птенца в возрасте около 2.5 недель. Один немного превосходил по размерам двух других. Совята были покрыты рыжевато-серым пухом, образующим на спине волнистый рисунок. Голые участки кожи имелись по бокам и на нижней стороне тела. Лицевой диск уже выражен. Радужина глаз серая, а не жёлтая, как у взрослых особей. На птенцах кормилось много кровососущих двукрылых. К 12 июня все птенцы благополучно покинули гнездо в возрасте 31-33 дней. Примерно неделю выводок держался поблизости от гнезда, а затем постепенно удалился.

В период выкармливания птенцов неясыти охотились на лугах в 1 км от гнезда и вдоль края находящегося неподалёку мохового болота. Вечером первый прилёт с добычей отмечен в 19 ч 25 мин. Самец приносил корм на гнездо, где передавал его самке, или же она сама вылетала на крик прилетевшего самца и забирала у него добычу. Затем кормила совят, несмотря на то, что наблюдатель открыто устроился на соседнем дереве в 10 м от гнезда. Чаще всего совы приносили в гнездо полёвок. При разборе 10 найденных в гнезде погадок были обнаружены остатки 22 мелких млекопитающих (обыкновенная полёвка *Microtus arvalis* s.l. – 15, полёвка-экономка *M. oeconomus* – 4, полевая мышь *Apodemus agrarius* – 1, бурозубка *Sorex* sp. – 1). Кроме того, мы наблюдали, как самка бородатой неясыти поймала близ гнезда слётка белобровика *Turdus iliacus* и проглотила его.

Интересно агрессивное поведение сов. Пока совятам не исполнилось 2 недели, взрослые неясыти почти никак не реагировали, когда я взбирался к гнезду или поднимался на наблюдательный пункт, устроенный поблизости. Самка, правда, покидала гнездо и иногда щёлкала клювом. Позднее (с 1 июня), когда совы начали атаковать, они нападали при попытках взобраться как на гнездовое, так и на соседние деревья. Атаки продолжались и при попытке осмотра гнезда уже после вылета птенцов. Щёлкающая клювом сова старалась находиться не на виду, а в тени или среди ветвей и срывалась с места как правило тогда, когда я не смотрел в её сторону. Неясыть наносила сильный удар лапами по спине, шее или голове, после чего снова старалась сесть вне поля зрения. Если атакующая сова была замечена, атака как правило срывалась – птица уходила в сторону, не долетая 5-6 м. Неясыти были наиболее агрессивны тогда, когда я только начинал взбираться на дерево, реже нападали, когда я находился под гнездом, и ни разу во время непосредственного осмотра гнезда.

Бородатая неясыть зимует в Нижнесвирском заповеднике. Зимой 1983/84 на территории Ладожского орнитологического стационара в урочище Гумбарицы держалось 3-5 птиц. В апреле при появлении наста отмечалась гибель сов от истощения.

В Нижнесвирском заповеднике редкая для Ленинградской области борогатая неясыть в небольшом числе гнездится, видимо, достаточно регулярно и является оседлым видом.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 514: 1684-1685

Гнездование чёрного коршуна *Milvus migrans* на опорах линий электропередачи в Восточном и Юго-Восточном Казахстане

Н.Н.Березовиков

Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 2 октября 2009

В условиях Казахстана и Средней Азии чёрный коршун *Milvus migrans* гнездится преимущественно на деревьях, изредка на уступах скал, глинистых и песчаниковых обрывах (Варшавский 1960, 1964; Корелов 1962; Митропольский и др. 1987). Характерна приуроченность гнёзд к побережьям рек и озёр. Вместе с тем, на востоке Казахстана в бассейне верхнего Иртыша уже в 1970-1980 годах отчётливо прослеживалась тенденция к гнездованию коршуна в ближайших окрестностях населённых пунктов, включая окраины города Усть-Каменогорска и посёлка Акжар (Березовиков 2000; Березовиков и др. 2000; Березовиков, Самусев 2002; Щербаков 2008а). Как совершенно новое явление со второй половины 1990-х годов стали отмечаться случаи гнездования на опорах высоковольтных линий электропередачи (ВЛЭП). Впервые подобные факты мной отмечены в 1997 и 1999 годах в безлесной котловине солёного озера Тузколь (43°01' с.ш., 80°01' в.д.) в Центральном Тянь-Шане, где гнездо коршуна было устроено на двойном металлическом кронштейне бетонной опоры ВЛЭП.

В Восточном Казахстане первый случай гнездования коршуна на перекладине телеграфного столба отмечен в мае 2002 года в южной части Зайсанской котловины по трассе между посёлками Карасу и Акжар. В каменистых предгорьях Нарымского хребта, примыкающих

к правобережью Бухтарминского водохранилища между посёлками Курчум, Куйган и Казнаковской переправой (48°47' с.ш., 83°28' в.д.) на поперечных металлических кронштейнах линии ВЛЭП в июне 2004 обнаружено 3 гнезда коршунов, из них 2 жилых (Березовиков, Левин 2005). В июле 2007 на этом же участке протяженностью 30 км учтено 18 коршунов, а на кронштейнах столбов ВЛЭП обнаружено также 3 гнезда, в 2 из которых сидели оперённые, уже хорошо летающие птенцы (Щербаков 2008б).

Безусловно, устройство коршунами гнёзд на кронштейнах опор ВЛЭП связано с тяготением этих хищников к гнездованию в наиболее кормных местах, например, по безлесным берегам водоёмов. С другой стороны, подобные гнёзда практически недоступны для разорения, а их расположение не вызывает замыканий в электросетях. Использование опор ВЛЭП для устройства гнёзд при благоприятном развитии этой тенденции будет способствовать более широкому расселению коршуна как в естественных, так и антропогенных ландшафтах.

Литература

- Березовиков Н.Н. 2000. О территориальном и охотничьем поведении чеглока и черного коршуна на Южном Алтае // *Беркут* **10**, 1: 105-110.
- Березовиков Н.Н., Левин А.С. 2005. Орнитологические наблюдения на оз. Зайсан в июне 2004 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2004: 83-88.
- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф. 2003. Птицы Зайсанской котловины. III. Falconiformes, Galliformes, Gruiformes // *Рус. орнитол. журн.* **12** (216): 287-312.
- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В. 2000. Материалы к орнитофауне поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 2. Falconiformes, Columbiformes, Cuculiformes, Strigiformes, Caprimulgiformes, Apodiformes, Coraciiformes, Piciformes // *Рус. орнитол. журн.* **9** (93): 3-20.
- Варшавский С.Н. 1960. Особенности биотопического распределения и изменение южной границы гнездования чёрного коршуна в Актюбинско-Мугоджарских степях в первой половине – середине XX столетия // *Материалы к конф. по вопросам зоогеографии суши.* Алма-Ата: 24-25.
- Варшавский С.Н. 1964. Распространение, биотопическое размещение и особенности гнездования чёрного коршуна в степных условиях // *Бюл. МОИП. Сер. биол.* **69**, 5: 30-39.
- Корелов М.Н. 1962. Отряд хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана.* Алма-Ата, **2**: 488-707.
- Митропольский О.В., Фоттелер Э.Р., Третьяков Г.П. 1987. Отряд Соколообразные Falconiformes // *Птицы Узбекистана.* Ташкент, **1**: 123-246.
- Щербаков Б.В. 2008а. Новые гнездящиеся птицы г. Усть-Каменогорска // *Каз. орнитол. бюл.* 2007: 171.
- Щербаков Б.В. 2008б. Заметки о встречах хищных птиц на востоке Казахстана // *Каз. орнитол. бюл.* 2007: 172.

Изучение питания обыкновенной пустельги *Falco tinnunculus* в агроценозах

В.Г.Турчин

Второе издание. Первая публикация в 1991*

Исследование хищных птиц проводили в 1989-1990 годах в агроценозах Каменной степи (Воронежская область). Для этого района характерна сеть лесополос возрастом от 20 до 100 лет и шириной от 12 до 30 м. Среди возделываемых полей встречается небольшое количество суходольных лугов и задернованных оврагов. Площадь стационара – около 7 тыс. га.

Для изучения питания пустельги *Falco tinnunculus* была использована новая методика «птенцового ящика». Конструкция представляет собой вертикально укрепленный ящик для почтовых посылок без крышки. Одна торцевая стенка, являющаяся крышей, уменьшается наполовину. Между передними краями крыши и дна навешивается рыболовная дель с ячейей 0.5×0.5 см, которая прикрепляется к боковым стенкам. Последние, срезанные наискось по линии, параллельной линии натянутой сети, образуют над ней бортики в 3-4 см. Перед нижним краем сетки укрепляется присада, оборудованная электроконтактом, действующим на механический самописец. Снизу подвешивается мешок для сбора приносимых птенцам кормовых объектов. Родители с кормом садятся на присаду и отдают добычу птенцу, который схватывает её через сетку. Убедившись, что добыча у птенца, взрослые улетают. Молодая птица, пытаясь перехватить корм поудобнее, в конечном счёте теряет его, и добыча скатывается по наклонной сетке в мешок.

Ящик с птенцом сначала укрепляли на гнездовом дереве. Через 3-4 дня (когда птицы привыкнут) его можно перевесить на более удобное дерево в радиусе 5-6 м от гнездового, опустив ящик пониже. С 4-недельного возраста птенцов, ящик желательно перевешивать через каждые 2-4 дня, имитируя перемещения птенцов. Методика показала высокую эффективность и в работе с ушастыми совами *Asio otus*.

Питание пустельги изучали в течение 20 сут, начиная с трёхнедельного возраста птенцов. Получено 143 пищевых объекта общей биомассой 1340 г. Наибольшее удельное значение по биомассе имели серая полёвка *Microtus* sp. – 58.1% (33 особи), степная пеструшка *Lagurus*

* Турчин В.Г. 1991. Изучение питания обыкновенной пустельги в агроценозах // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, 2: 255-256.

lagurus – 11.7% (9), мышь-малютка *Micromys minutus* – 10.0% (14). Доля бурозубок *Sorex* sp. составила 2.8% (5), прыткой ящерицы *Lacerta agilis* – 3.7% (6), остромордой лягушки *Rana arvalis* – 3.4% (6), зелёного кузнечика *Tettigonia* sp. – 7.9% (55), саранчовых Acrididae – 1.0% (7), гусениц 2 видов бражников Sphingidae – 1.4% (8 особей).

Среди млекопитающих особи с явными дефектами были выявлены у серой полёвки (21.2%) и мыши-малютки (7.1%); 2 полёвки имели бельмо на глазу и 5 было без одной давно утраченной задней лапы. Дефектные полёвки (4 самца и 3 самки) были половозрелыми и нормально упитанными. Все самки оказались беременными и по количеству эмбрионов находились в пределах нормы местной популяции. Молодой самец мыши-малютки оказался без одного семенника.

Доля неполовозрелых особей у серой полёвки составила 16.0%, у степной пеструшки 16.6%, у мыши-малютки – 14.3%.

Число прилётов пустельг с кормом колебалось от 1 до 23 в сутки (в среднем 9 прилётов в 1 сут). Среднесуточная биомасса добычи составила 67 г. В среднем 33% всех животных, приносимых птенцам, были частично поеденными. В основном взрослые соколы съедали голову, иногда ещё и переднюю часть туловища добычи. Наибольшую активность птицы проявляли с 9 до 13 ч, а в пасмурные дни – в более позднее время дня.

Последовательность приноса добычи и визуальные наблюдения показали, что за очередной добычей птицы как правило возвращаются к месту последней удачной охоты. В тех случаях, когда на каком-то локальном участке происходит вспышка численности кормовых объектов, он становится основной охотничьей территорией для гнездящихся поблизости хищных птиц.

